

Василий Шукшин: Чудик (1967)

Жена называла его – «Чудик». Иногда ласково. Чудик обладал одной особенностью: с ним постоянно что-нибудь случалось. Он не хотел этого, страдал, но то и дело влипал в какие-нибудь истории – мелкие, впрочем, но досадные.

Вот эпизоды одной его поездки.

Получил отпуск, решил съездить к брату на Урал: лет двенадцать не виделись.

– А где блесна такая... на подвид битюря?! – орал Чудик из кладовой.

– Я откуда знаю.

– Да вот же ж все тут лежали! – Чудик пытался строго смотреть круглыми иссиня-белыми глазами. – Все тут, а этой, видите ли, нету.

– На битюря похожая?

– Ну. Щучья.

– Я ее, видно, зажарила по ошибке. Чудик некоторое время молчал.

– Ну и как?

– Что?

– Вкусная! Ха-ха-ха!... – Он совсем не умел острить, но ему ужасно хотелось.

– Зубки целые? Она ж дюралевая!..

...Долго собирались – до полуночи.

А рано утром Чудик шагал с чемоданом по селу.

– На Урал! На Урал! – отвечал он на вопрос: куда это он собрался? При этом круглое мясистое лицо его, круглые глаза выражали в высшей степени плевое отношение к дальним дорогам – они его не пугали. – На Урал! Надо прошвырнуться.

Но до Урала было еще далеко.

Пока что он благополучно доехал до районного города, где предстояло взять билет и сесть в поезд.

Времени оставалось много. Чудик решил пока закупить подарков племяшам – конфет, пряников... Зашел в продовольственный магазин, пристроился в очередь. Впереди него стоял мужчина в шляпе, а впереди шляпы – полная женщина с крашеными губами.

Чудик уважал городских людей. Не всех, правда: хулиганов и продавцов не уважал. Побаивался.

Подошла его очередь. Он купил конфет, пряников, три плитки шоколада. И отошел в сторонку, чтобы уложить все в чемодан. Раскрыл чемодан на полу, стал укладывать... Глянул на пол, а у прилавка, где очередь, лежит в ногах у людей пятидесятирублевая бумажка. Этакая зеленая дурочка, лежит себе, никто ее не видит. Чудик даже задрожал от радости, глаза загорелись. Второпях, чтобы его не опередил кто-нибудь, стал быстро соображать, как бы повеселее, поостроумнее сказать этим, в очереди, про бумажку.

Poděs

(přeložila Zdeňka Psůtková, 1977)

Žena mu říkala Poděs. Občas s jistou dávkou vlídnosti. Poděs měl podivuhodnou vlastnost. Ustavičně se mu děly jakési příhody. Nestál o to, trápil se, ale každou chvíli se dostal do nějaké prapodivné historie, sice bezvýznamné, ale zpravidla trapné.

Jednou se chystal na delší cestu. Dostal dovolenou a rozhodl se, že pojede na návštěvu k bratrovi na Ural. Nějakých dvacet let se neviděli.

„Kde je ta třpytka... Ta na štiky?!“ vykřikoval ze spíže.

„Jak to můžu vědět!“

„Tady přece všechny ležely!“ Poděs se snažil dodat svým kulatým očím s namodralým bělmem přísný výraz. „Všechny jsou tady, a zrovna takhle, prosím, tady chybí.“

„Čemu je podobná?“

„Malé štice!“

„Tak to jsem ji asi omylem hodila na pánev.“ Poděs chvíli mlčel.

„Tak co?“

„Jak to co?“

„Byla dobrá? Cha cha cha!“ Vůbec neuměl vtipkovat, ale dělal to strašně rád.

„Nevylámala sis zuby? Víš, že je z duralu!“

Balil zavazadla dlouho, až do půlnoci.

Časně ráno si vykračoval s kufrem vesnicí.

„Na Ural! Na Ural!“ odpovídal, když se ho známí ptali, kam jede. Přitom měl v kulatém masitém obličejí a v kulatých očích výraz dokonalého opovržení ke každé daleké cestě, jako by se toho putování vůbec nebál. „Jedu na Ural! Musím trochu protáhnout kostru.“

Ale na Ural měl ještě daleko.

Zatím šťastně dojel do okresního města, kde si musel koupit jízdenku a nasednout na vlak.

Měl ještě spoustu času. Rozhodl se, že zatím aspoň nakoupí dárky pro bratrovu drobotu, nějaké bombóny a preclíky. Vstoupil do lahůdkářství a postavil se do fronty. Před ním stál muž v klobouku, před mužem v klobouku stála tělnatá žena s nápadně nalíčenými rty.

Poděs si lidí z města velice vážil. Všech ne, to je pravda. Chuligánů a prodavačů se bál, těch si nevážil.

Přišla řada na něho. Nakoupil bombóny, preclíky a tři tabulky čokolády. Pak odešel stranou, aby si všechno složil do kufru. Položil ho na zem, otevřel... Náhodou se podíval na podlahu a vidí, že u pultu vedle fronty leží padesátirublová bankovka. Takový zelený papírek, klidně se tam povaluje a nikdo se ho nevšímne. Až se zatetelil radostí, oči mu zajiskřily. Kvapně, jen aby ho nikdo nepředěšel, uvažoval, jak by o zeleném papírku co nejvtipněji, co nejžertovněji řekl lidem, čekajícím ve frontě.

– Хорошо живете, граждане! – сказал он громко и весело.

На него оглянулись.

– У нас, например, такими бумажками не швыряются.

Тут все немного поволновались. Это ведь не тройка, не пятерка – пятьдесят рублей, полмесяца работать надо. А хозяина бумажки – нет.

Решили положить бумажку на видное место на прилавке.

– Сейчас прибежит кто-нибудь, – сказала продавщица.

Чудик вышел из магазина в приятнейшем расположении духа. Все думал, как это у него легко, весело получилось: «У нас, например, такими бумажками не швыряются!» Вдруг его точно жаром всего обдало: он вспомнил, что точно такую бумажку и еще двадцатипятирублевую он сейчас разменял, пятидесятирублевая должна быть в кармане... Сунулся в карман – нету. Туда-сюда – нету.

– Моя была бумажка-то! – громко сказал Чудик. – Моя бумажка-то.

Под сердцем даже как-то зазвенело от горя. Первый порыв был пойти и сказать: «Граждане, моя бумажка-то. Я их две получил в сберкассе: одну двадцатипятирублевую, другую полусотельную. Одну сейчас разменял, а другой – нету». Но только он представил, как он огорошит всех этим своим заявлением, как подумают многие: «Конечно, раз хозяина не нашлось, он и решил прикарманить». Нет, не пересилить себя – не протянуть руку за этой проклятой бумажкой. Могут еще и не отдать...

– Да почему же я такой есть-то? – вслух горько рассуждал Чудик. – Что теперь делать?..

Надо было возвращаться домой.

Ехал в автобусе и негромко ругался – набирался духу: предстояло объяснение с женой.

Сняли с книжки еще пятьдесят рублей.

Чудик, убитый своим ничтожеством, которое ему опять разъяснила жена, ехал в поезде. Но постепенно горечь проходила. Мелькали за окном леса, перелески, деревеньки... Входили и выходили разные люди, рассказывались разные истории... Чудик тоже одну рассказал какому-то интеллигентному товарищу, когда стояли в тамбуре, курили.

– У нас в соседней деревне один дурак тоже... Схватил головешку – и за матерью. Пьяный. Она бежит от него и кричит: «Руки, – кричит, – руки-то не обожги, сынок!» О нем же и заботится... Представляете, каким надо быть грубым, бестактным...

– Сами придумали? – строго спросил интеллигентный товарищ, глядя на Чудика поверх очков.

– Зачем? – не понял тот. – У нас за рекой, деревня Раменское...

Интеллигентный товарищ отвернулся к окну и больше не говорил.

После поезда Чудик надо было еще лететь местным самолетом полтора часа. Он когда-то летал разок. Давно. Садился в самолет не без робости.

«Неужели в нем за полтора часа ни один винтик не испортится?» – думал. Потом – ничего, осмелел. Попытался даже заговорить с соседом, но тот читал газету, и так ему было интересно, что там, в газете, что уж и послушать живого человека

„Pěkně si žijete, panstvo!“ řekl hlučně a vesele.

Lidé se po něm podívali.

„To u nás takové papírky nevyhazujeme.“

Zástupu se zmocnilo lehké vzrušení. Marná věc, nebyla to třírublovka ani pětirublovka, ale padesát rublů, půlka měsíčního platu. A majitel nikde.

Lidé se rozhodli, že bankovku umístí nápadně na pult.

„Vždyť on někdo za chvíli přiběhne,“ prohlásila prodavačka.

Poděs vyšel z obchodu ve slastném rozpoložení. Pořád si opakoval, jak žertovně, jak vesele prohlásil: To u nás takové papírky nevyhazujeme. Ale vtom ho polil ledový pot. Vzpomněl si, že přesně takovou bankovku, a pětadvacetirublovou bankovku k tornu, vybral ve spořitelně. Pětadvacetirublovou právě teď rozměnil, padesátirublovou by měl mít v kapse. Strčil ruku do kapsy, nikde nic. Prohledával vše, ale nikde nic.

„Tak to byla má!“ řekl hlasitě. „Krucinál! Vždyť to je moje.“

Srdce se mu sevřelo. Nejdřív se chtěl rozběhnout do krámu a říci — lidi, ten papírek je můj. Dostal jsem ve spořitelně dvě, jednu pětadvacetirublovku, druhou padesátku. Tu pětadvacítku jsem teď rozměnil, a tu druhou nemám. Ale hned si představil, jak budou všichni omráčeni, jak si budou říkat, bodejť, nikdo se k tomu nehlásí, tak si řek, že se přiživí; nedokázal vztáhnout ruku po té zatracené bankovce. Možná že by mu ji ani nedali...

„Proč jsem takový?“ trpce si říkal nahlas. „Co teď udělám?“

Musel se vrátit domů.

Cestou v autobuse si potichu nadával. Sbíral odvahu, protože doma musel všechno vysvětlit ženě.

Vybrali z knížky dalších padesát rublů.

Poděs, zdrcen svou nicotností, kterou mu žena znovu vtloukla do hlavy (pro větší důraznost ho doopravdy klepla párkrát naběračkou), jel ve vlaku. Zármutek ho postupně opouštěl. Za oknem se míhaly lesy, háje, vesničky. Různí lidé nastupovali a vystupovali, vyprávěli si různé historie. Poděs také dal k dobru jednu příhodu, kterou vyprávěl v uličce nějakému inteligentnímu pánovi.

„Blízko nás ve vsi taky máme jednoho chytráka... Chytil do ruky rozžhavený uhlík, opilý byl jako prut, a rozběhl se za mámou. Ta před ním utíkala a volala: Jen si nespál ruce, synáčku! Stará se o něho jak o malé dítě. A on, převít ožralá, klidně na mámu vztáhne ruku. Dovedete si představit, jak musí být hrubý a netaktní...“

„To jste si vymyslel sám?“ přísně se ho zeptal inteligentní pán.

„Jak to myslíte?“ nechápavě pronesl Poděs. „Hned za řekou, blízko nás, je to ve vesnici Ramenskoje...“

Inteligentní pán se obrátil k oknu a víc už nepromluvil.

„Poděsovi ještě zbývalo k cíli půldruhé hodiny letu. Před dávnými časy snad jednou nebo dvakrát v letadle seděl. Ale to bylo opravdu hodně dávno. Usedal do letadla trochu vyděšeně. Snad se za té půldruhé hodiny žádný šroubeček neporouchá, říkal si. Ale pak se osmělil. Dokonce se chtěl vybavovat se sousedem, ale ten si četl noviny a o nějakou rozpravu s živým člověkem zřejmě nestál.

ему не хотелось. А Чудик хотел выяснить вот что: он слышал, что в самолетах дают поесть. А что-то не несли. Ему очень хотелось поесть в самолете – ради любопытства.

«Зажилили», – решил он.

Стал смотреть вниз. Горы облаков внизу. Чудик почему-то не мог определенно сказать: красиво это или нет? А кругом говорили: «Ах, какая красота!» Он только ощутил вдруг глупейшее желание: упасть в них, в облака, как в вату. Еще он подумал: «Почему же я не удивляюсь? Ведь подо мной чуть не пять километров». Мысленно отмерил эти пять километров на земле, поставил их на попа, чтоб удивиться, и не удивился.

– Вот человек!.. Придумал же, – сказал он соседу. Тот посмотрел на него, ничего не сказал, зашуршал опять газетой.

– Пристегнитесь ремнями! – сказала миловидная молодая женщина. – Идем на посадку.

Чудик послушно застегнул ремень. А сосед – ноль внимания. Чудик осторожно тронул его:

– Велят ремень застегнуть.

– Ничего, – сказал сосед. Отложил газету, откинулся на спинку сиденья и сказал, словно вспоминая что-то: – Дети – цветы жизни, их надо сажать головками вниз.

– Как это? – не понял Чудик.

Читатель громко засмеялся и больше не стал говорить.

Быстро стали снижаться. Вот уж земля рукой подать, стремительно летит назад. А толчка все нет. Как потом объясняли знающие люди, летчик «промазал». Наконец толчок, и всех начинает так швырять, что послышался зубовой стук и скрежет. Этот читатель с газетой сорвался с места, боднул Чудика лысой головой, потом приложился к иллюминатору, потом очутился на полу. За все это время он не издал ни одного звука. И все вокруг тоже молчали – это поразило Чудика. Он тоже молчал. Стали. Первые, кто опомнился, глянули в иллюминаторы и обнаружили, что самолет – на картофельном поле...

Страх схлынул, и наиболее веселые уже пробовали острить.

Лысый читатель искал свою искусственную челюсть. Чудик отстегнул ремень и тоже стал искать.

– Эта?! – радостно воскликнул он и подал читателю.

У того даже лысина побагровела.

– Почему надо обязательно руками хватать! – закричал он шепеляво.

Чудик растерялся.

– А чем же?..

Читатель удивленно посмотрел на Чудика и перестал кричать.

В аэропорту Чудик написал телеграмму жене: «Приземлились. Ветка сирени упала на грудь, милая Груша, меня не забудь. Тчк. Васятка».

Телеграфистка, строгая красивая женщина, прочитав телеграмму, предложила:

– Составьте иначе. Вы – взрослый человек, не в детсаде.

Poděsa totiž strašně zajímala jedna věc. Slyšel, že cestující v letadle dostávají jídlo. Ale v tomto letadle zatím nikdo nic nepřinesl. Strašně toužil v letadle něco sníst, z pouhé zvědavosti.

Zřejmě šetří, škrtilové, usoudil.

Zadíval se dolů. Byly tam kupy mračen. Nebyl si jist, zda je to krásné, nebo ne. Ale kolem něho všichni vzdychali, jaké je to nádhera. Nic takového necítil, napadla ho jen v tu chvíli taková nesmyslná věc. Chtělo se mu spadnout do těch oblak jako do vaty. Proč nic neobdivuju, říkal si. vždyť pod námi je málem pět kilometrů. V duchu odměřil těch pět kilometrů na zemi, vzdálenost vztyčil k obloze, ale zase žádný úžas nepocítil.

„Pane, co člověk dovede! To je vynález!“ poznamenal k sousedovi.

Ten se na něho podíval a beze slova otočil další list v novinách.

„Připoutejte se!“ řekla pohledná mladá žena. „Přistáváme.“

Poděs se poslušně připoutal. Ale soused zůstal naprosto nevzrušen. Poděs se ho opatrně dotkl.

„Máme se připoutat.“

„To nic,“ poznamenal soused, odložil noviny, pak se opřel o sedadlo, a jako by vzpomínal na něco, co dávno zná, dodal: „Děti jsou květy života, musí se sázet hlavičkami dolů.“

„Jak to?“ užasl Poděs.

Muž, s novinami se hlasitě rozesmál a víc už nepromluvil.

Letadlo rychle klesalo dolů. K zemi bylo co by kamenem dohodil, ale letadlo pořád nenaráželo na přistávací plochu. Později mu zkušení lidé vysvětlili, že letec „šlápnul vedle“. Konečně přišel náraz. Se všemi to v letadle tak zacloumalo, že bylo slyšet skřípání zubů. Muž s novinami vyletěl ze sedadla, holou hlavou narazil Poděsovi do břicha, pak odletěl k okénku a vzápětí se octl na podlaze. Po celou tu dobu nevydal jediný zvuk. Všichni kolem mlčeli také, a to Poděsa překvapilo. Mlčel jako oni. Letadlo se zastavilo. Ti, kdo se vzpomatovali nejdřív, vykoukli z okének a zjistili, že letadlo sedí v brambořišti.

Strach pominul a ti nejveselejší už se pokoušeli vtipkovat.

Holohlavý čtenář novin hledal umělý chrup. Poděs si odepnul řemen a pomáhal mu:

„Je to tenhle?!“ Vykřikl s radostí a podal ho plešatému muži. Tomu zrudla pleš.

„Co na to hrabete rukama!“ vykřikl šišlavě.

To Poděsa zarazilo.

„A čím to mám zvednout?“

Holohlavý užasle pohlédl na Poděsa a zmlkl.

Z letiště chtěl Poděs poslat ženě telegram následujícího znění:

„Dosedli jsme na zem. Větev šeríku rozkvétá, naše láska do dáli odlétá.

Vasjatka.“

Úřednice na poště, přísná, kostnatá žena si přečetla text a řekla:

„Změňte to. Jste dospělý člověk, nejsme v mateřské školce.“

– Почему? – спросил Чудик. – Я ей всегда так пишу в письмах. Это же моя жена!.. Вы, наверно, подумали...

– В письмах можете писать что угодно, а телеграмма – это вид связи. Это открытый текст.

Чудик переписал: «Приземлились. Все в порядке. Васятка».

Телеграфистка сама исправила два слова: «Приземлились» и «Васятка».

Стало: «Долетели», «Василий».

– «Приземлились»... Вы что, космонавт, что ли?

– Ну ладно, – сказал Чудик. – Пусть так будет.

...Знал Чудик: есть у него брат Дмитрий, трое племянников... О том, что должна еще быть сноха, как-то не думалось. Он никогда не видел ее. А именно она-то, сноха, все испортила, весь отпуск. Она почему-то сразу невзлюбила Чудика.

Выпили вечером с братом, и Чудик запел дрожащим голосом:

– Тополя-а-а, тополя-а-а...

Софья Ивановна, сноха, выглянула из другой комнаты, спросила зло: – А можно не орать? Вы же не на вокзале, верно? И хлопнула дверью.

– Пойдем на улицу, – сказал Чудик.

Вышли на улицу, сели на крылечко.

Но тут с братом Дмитрием что-то случилось: он заплакал и стал колотить кулаком по колену.

– Вот она, моя жизнь! Видел? Сколько злости в человеке!.. Сколько злости!

– Ну чего вот невзлюбила?! За што? Ведь невзлюбила она тебя... А за што?

Тут только понял Чудик, что да, невзлюбила его сноха. А за что действительно?

– Крышу-то перекрыл? – спросил старший брат негромко.

– Перекрыл. – Чудик тоже тихо вздохнул. – Веранду подстроил – любо глядеть. Выйдешь вечером на веранду... начинаешь фантазировать: вот бы мать с отцом были бы живые, ты бы с ребятишками приехал – сидели бы все на веранде, чай с малиной попивали. Малины нынче уродилось пропасть. Ты, Дмитрий, не ругайся с ней, а то она хуже невзлюбит. А я как-нибудь поласковой буду, она, глядишь, отойдет.

Когда утром Чудик проснулся, никого в квартире не было: брат Дмитрию ушел на работу, сноха тоже, дети постарше играли во дворе, маленького отнесли в ясли.

Чудик прибрал постель, умылся и стал думать, что бы такое приятное сделать снохе. Тут на глаза попала детская коляска. «Эге, – подумал Чудик, – разрисую-ка я ее». Он дома так разрисовал печь, что все дивились. Нашел ребячьи краски, кисточку и принялся за дело. Через час все было кончено, коляску не узнать. По верху колясочки Чудик пустил журавликов – стайку уголком, по низу – цветочки разные, травку-муравку, пару петушков, цыпляток...

„Proč?“ zeptal se Poděs. „Já jí v dopisech vždycky píšu takové věci. Je to přece moje žena! Vy si asi myslíte ...“

„V dopisech si pište co chcete, ale telegram je záležitost spojovací služby. Je to otevřený text.“

Poděs tedy napsal: *Dosedli jsme na zem. Vasjatka.*

Ůřednice sama od sebe opravila Poděsův text tak, že zněl: *Doletěli jsme.*

Vasilij.

„Copak jste kosmonaut, prosím vás?“ poznamenala. „Tak dobře,“ řekl Poděs. „Ať máte pokoj.“

Poděs věděl, že má bratra Dmitrije a tři synovce, ale o tom, že má také švagrovou, vůbec neuvažoval. V životě ji neviděl. A právě švagrová mu zkazila celou dovolenou. Od prvního pohledu Poděse nenáviděla.

Večer Poděs s bratrem popíjel a pak třaslavým hlasem začal zpívat:

Topoly, ó topoly...

Švagrová Sofja Ivanovna vykoukla z vedlejšího pokoje a vzteklým hlasem se zeptala:

„Musíte tak řvát? Nejste na nádraží!“ A praštila dveřmi.

„Pojď ven,“ vybídl bratra Poděs.

Sedli si na zápraží.

Ale bratr Dmitrij se náhle rozplakal a začal si pěstí bušit do kolen.

„Tak to vidíš, jaký mám život! Viděls to? Že dovede. být tak zlá! Tak zlá!“

„Ale proč tě nemá ráda? Proč? Vždyť ona tě nenávidí ... Ale proč?“

Až teď si Poděs uvědomil, že ho švagrová opravdu nenávidí. Ale proč, proč vlastně?

„Přeložil si střechu?“ tiše se zeptal starší bratr.

„To víš.“ Poděs dokonce tiše vzdychl. „Přistavěl jsem verandu, vypadá to pěkně. Člověk si tam večer stoupne a fantazíruje. Kdyby tak mám s tátou byli naživu a ty bys přijel s dětma, sedli bysme si na verandu a pili čaj. S malinama. Letos jich je spousta. Dmitriji, nehádej se s ní, nebo to bude ještě horší. Vynasnažím se, abych se k ní choval pěkně, uvidíš, že ji to přejde.“

Když se Poděs ráno probudil, byl byt prázdný. Dmitrij a švagrová odešli do práce, starší děti si hrály venku, nejmenší byl v jeslích.

Poděs po sobě ustlal, umyl se a začal hloubat nad tím, co by asi tak měl udělat, aby švagrové způsobil radost. Vtom zahlédl dětský kočárek. Už to mám, řekl si, já ho vymaluju. Doma přece vymaloval pec tak krásně, že všichni žasli. Objevil vodové barvičky a štěteček a pustil se do práce. Za hodinu byl hotov a kočárek k poznání. Nahoře se vznášeli skřivánci, dolů namaloval nejrůznější kytičky, párek kohoutů, kuřátka...

Осмотрел коляску со всех сторон – загляденье. Не колясочка, а игрушка. Представил, как будет приятно изумлена сноха, усмехнулся.

– А ты говоришь – деревня. Чудачка. – Он хотел мира со снохой. – Ребенок-то как в корзиночке будет.

Весь день Чудик ходил по городу, глазел на витрины. Купил катер племяннику, хорошенький такой катерок, белый, с лампочкой. «Я его тоже разрисую», – думал.

Часов в шесть Чудик пришел к брату. Взошел на крыльцо и услышал, что брат Дмитрий ругается с женой. Впрочем, ругалась жена, а брат Дмитрий только повторял:

– Да ну что тут!.. Да ладно... Сонь... Ладно уж...

– Чтоб завтра же этого дурака не было здесь! – кричала Софья Ивановна. – Завтра же пусть уезжает.

– Да ладно тебе!.. Сонь...

– Не ладно! Не ладно! Пусть не дожидается – выкину его чемодан и все!

Чудик поспешил сойти с крыльца... А дальше не знал, что делать. Опять ему стало больно. Когда его ненавидели, ему было очень больно. И страшно. Казалось: ну, теперь все, зачем же жить? И хотелось уйти подальше от людей, которые ненавидят его или смеются.

– Да почему же я такой есть-то? – горько шептал он, сидя в сарайчике. – Надо бы догадаться: не поймет ведь она, не поймет народного творчества.

Он досидел в сарайчике дотемна. И сердце все болело. Потом пришел брат Дмитрий. Не удивился – как будто знал, что брат Василий давно уж сидит в сарайчике.

– Вот... – сказал он. – Это... опять расшумелась. Колясочку-то... не надо бы уж.

– Я думал, ей поглянется. Поеду я, братка.

Брат Дмитрий вздохнул... И ничего не сказал.

Домой Чудик приехал, когда шел... дождик. Чудик вышел из автобуса, снял новые ботинки, побежал по теплой мокрой земле – в одной руке чемодан, в другой ботинки. Подпрыгивал и громко пел:

– Тополя-а, тополя-а...

...Звали его – Василий Егорыч Князев. Было ему тридцать девять лет от роду. Он работал киномехаником в селе.

Prohlédl si kočárek ze všech stran a strašně se mu líbil. Když si představil, jak bude švagrová příjemně překvapena, pousmál se.

„Budeš říkat něco špatného o vesnici. Co tě nemá!“ Velice toužil po tom, aby švagrová roztála.

Celý den se procházel po městě a civěl do výkladů. Jednomu synovci koupil pěknou bílou lodičku se žárovkou. Tu taky pomaluju, říkal si.

Kolem šesté se vrátil do bratrova bytu. Vystoupil po schůdcích a slyšel, že se Dmitrij hádá se ženou. Vlastně křičela žena, Dmitrij jenom opakoval:

„Co je na tom! Tak dobře... Soňo... Tak dobře...“

„Zítřa ať už tady toho pitomce nevidím!“ křičela Sofja Ivanovna. „Zítřa ať vypadne!“

„Tak dobře... Soňo...“

„Žádné dobře! Ať si nemyslí, vyhodím mu kufr na ulici a hotovo!“

Poděs rychle zmizel ze zápraží. Nevěděl, co má dělat. Znovu ho to zabolelo. Kdykoliv cítil, že narazil na lidskou nenávisť, svíralo se mu srdce bolestí a strachem. Často si říkal, proč vlastně žije. Toužil, aby mohl odejít hodně daleko od lidí, kteří ho nenávidí nebo se mu posmívají.

„Proč jsem vlastně takový?“ šeptal si trpce, když seděl v kůlně. „Mělo mě to napadnout, kdepak by tahle ženská měla smysl pro nějakou lidovou tvořivost.“

Seděl v kůlně až do tmy. Srdce ho bolelo. Pak přišel bratr Dmitrij. Ani se nedivil – jako by věděl, že Vasilij už dávno sedí v kůlně.

„Tak to vidíš, zas byl kravál,“ řekl. „Ten kočárek... tos neměl dělat.“

„Myslel jsem, že se jí to bude líbit. Tak já zas pojedu, bratře.“

Bratr Dmitrij jenom vzdychl a neřekl nic.

Když se Poděs vracel domů, drobně přšelo. Vystoupil z autobusu, zul nové boty a rozběhl se po teplé, vlhké zemi. V jedné ruce držel kufr, v druhé boty, poskakoval a hlasitě zpíval:

Topoly, ó topoly...

...Jmenoval se Vasilij Jegoryč Kňazev. Bylo mu devětatřicet a ve vsi pracoval jako promítač.